

быть достигаемъ только извѣстными средствами широкаго просвѣщенія и самодѣятельности; въ исторіи народа указывается множество явленій, изъ которыхъ очевидно, что самъ народъ, — которому обыкновенно приписывается упорный консерватизмъ, — на дѣлѣ самъ тяготился своею историческою дѣйствительностію, возмущался противъ нея, искалъ изъ нея выхода въ чемъ-нибудь новомъ и лучшемъ, искалъ той справедливости, къ опредѣленію которой стремятся современныя общественныя науки. Консерваторы, напротивъ, ссылаются на свой подборъ фактовъ, который будто бы какъ разъ подтверждаетъ, что для народа нѣтъ авторитета сильнѣе старины; что это и справедливо, такъ какъ старина представляетъ собою именно результатъ многовѣковой и самобытной народной думы и опыта, стоящихъ выше переменчивыхъ мнѣній немногочисленнаго класса оторванной отъ него интеллигенціи.

Гдѣ же правда? Какому изъ этихъ направленій отвѣчаетъ дѣйствительный смыслъ «народности»; какое изъ нихъ угадываетъ истинный смыслъ прошедшаго и настоящія потребности народной жизни?

На это недоумѣніе постоянно наводитъ новѣйшая наша литература въ своихъ ожесточенныхъ спорахъ по поводу тѣхъ или другихъ явленій общественной и народной жизни — по поводу школы и образованія, администраціи, суда, церкви, наконецъ отношеній экономическихъ и сельско-хозяйственныхъ. Къ «народности» сводятся и капитальные вопросы внѣшней политики — именно, въ послѣднія десятилѣтія особенно вопросъ славянскій. Для однихъ, это — вопросъ, важнѣе котораго другого нѣтъ для русскаго народа и государства: это — вопросъ о самомъ существѣ нашей національной жизни; въ немъ наше предназначенье, безъ его рѣшенія нами и въ нашемъ народномъ смыслѣ русскій народъ не исполнитъ своего историческаго долга, забыть свои національныя основы. Другіе не простираютъ такъ далеко нашихъ національных обязанностей, думая, что главнѣйшей заботой для народа должно быть устройство его собственныхъ матеріальныхъ дѣлъ и нравственныхъ отношеній, а не погоня за преданіями (частью мнимыми), надъ которыми исторія полагаетъ свое рѣшеніе. Еще болѣе сложное противорѣчіе является въ примѣненіи «народнаго» начала къ частнымъ междуплеменнымъ отношеніямъ: должно ли быть признано право польской національности; можетъ ли быть допущена отдѣльность малорусской народности въ литературѣ? Славянофильскіе мыслители отвергаютъ то и другое: въ первомъ случаѣ они забываютъ,